

Глава 6. Нотная грамота: опыт изучения и описания электоральных предпочтений

Прежде чем перейти к описанию методики и результатов изучения электоральных предпочтений целесообразно сделать краткий обзор уже наработанного в мировой и российской науке материала по этой теме.

Зарождение исследований непосредственно электоральных процессов началось почти одновременно с началом эпохи современных выборов в Европе и Северной Америке. Одно из первых исследований избирательной системы и роли электоральных предпочтений в ней мы встречаем у Алексиса де Токвиля в его знаменитой книге «Демократия в Америке»⁴⁹, написанной в 30-х годах XIX века. Монументальный труд французского ученого посвящен анализу нового для девятнадцатого века явления - демократическому государственному устройству в его конкретно-историческом проявлении на землях Соединенных Штатов Америки. Для нас этот труд интересен тем, что это первое описание страны, где уже к сороковым годам XIX века было принято избирательное право для всего взрослого населения. И хотя автор не использует современную терминологию политической науки и не заостряет свое внимание на институте выборов, тем не менее в связи с проблематикой данного исследования безусловный интерес представляют рассуждения французского исследователя об интеллектуально-нравственных настроениях американских граждан, которые, по мнению Токвиля, как раз и являются основой американской демократии.

Однако, в силу поставленной перед собой общей задачи («узнать, что хорошее и что плохое порождается демократией»⁵⁰), Токвиля не очень интересовали особенности электорального поведения граждан Америки.

В течение XIX века в Америке и в странах Европы развиваются избирательные системы, они становятся общепринятыми и начинают существенно влиять на политический процесс, возникает необходимость их научного описания и изучения.

Чаше всего начальной точкой в эмпирическом исследовании выборов считают так называемые «соломенные опросы» - в 1883 г. газета «Бостон глоб» применила систему подсчета голосов в день выборов для предсказания результатов голосования.

Однако по-настоящему систематическими эти исследования стали только к началу XX века, когда были осуществлены первые работы по политической географии, фактическим основателем которой считается

⁴⁹ Токвиль А. Демократия в Америке. М., 2000.

⁵⁰ Там же. С. 34.

французский географ А. Зигфрид, который предложил первую аналитическую модель, объясняющую голосование. Взяв за основу электоральную статистику за тридцатилетний период, он провел сравнение географических, экономических и социокультурных переменных с результатами выборов. Согласно его выводам, определяющими электоральное поведение являются три взаимосвязанных фактора: характер ландшафта, тип поселения и отношения собственности, которые, в свою очередь, тесно связаны между собой и определяют социальную структуру и религиозный климат, непосредственно влияющие на голосование⁵¹.

Эта модель сыграла значительную роль в развитии «социально-экологического» направления в исследовании электоральных процессов, получившего особое распространение в странах Западной Европы. С 50-60-х гг. это направление дополняется структурно-функциональным подходом. Основное внимание начинает уделяться выявлению структурных, в первую очередь - политических факторов электорального поведения и конфигурации электорального пространства.

С 50-60-х гг. в электоральных исследованиях достаточно широкое распространение получают количественные методы, основанные на применении факторного, типологического, иерархического, корреляционного и регрессивного типов анализа на основе электоральной статистики.

Вместе с тем еще в первой половине XX века выявились и ограничения статистических методов исследования, в частности их неспособность выявить особенности индивидуального поведения, его связь с непосредственным контекстом⁵².

В целях преодоления этих недостатков стали применяться различные виды социологических опросов, дающих возможность проанализировать анкетную информацию об индивидах, составляющих электоральные общности. Используемые методы конкретно-социологического исследования дали возможность установить индивидуальные корреляции между социальными, культурными и политическими характеристиками избирателей и их поведением.

Следующий этап в развитии электоральных исследований был связан с развитием бихевиорального методологического направления, предложившего социально-психологическую интерпретацию электорального поведения на основе индивидуальных данных. Данное направление зародилось в 40-х гг. благодаря исследованиям социологов Колумбийского университета под руководством П. Лазерсфельда. Впервые с помощью

⁵¹ Siegfried A. *Tableau politique de la France de l'Ouest sous la III République*. A. Colin, 1980.

⁵² Пушкарева Г.В. Изучение электорального поведения: контуры когнитивной модели // *Политика*, 2003, №3.

панельной техники было изучено формирование мнений и поведения избирателей под влиянием президентской избирательной кампании⁵³.

В настоящее время выделяют обычно несколько концептуальных подходов (моделей) электоральных предпочтений, объясняющих природу электорального выбора влиянием долгосрочных факторов.

Каждая модель, делая акцент на каком-либо долгосрочном факторе электорального выбора, не отрицает полностью влияния других факторов, но в силу их второстепенности не уделяет им должного внимания.

Таким образом, можно выделить следующие модели.

1. Социологическая модель электоральных предпочтений - одна из «классических» моделей, долгое время во многом определявшая содержание работ по этой теме. Ее авторы исследовали партийно-политическое соревнование и поведение избирателей, учитывая фактор социальной дифференциации. Главное для этой модели - зависимость электоральных предпочтений индивида от интересов различных социальных групп, фактическое игнорирование индивидуалистической трактовки формирования электорального выбора. Представители данного направления пытались ответить не на вопрос, *как* избиратель голосует, а пытались выяснить, *почему* он голосует за ту или иную политическую силу.

Классической работой, раскрывающей положения этого направления, считается статья С. Липсета и С. Роккана, посвященная обоснованию влияния социально-групповых конфликтов на идеологическую и партийную дифференциацию⁵⁴. По мнению авторов, потенциальную основу для разнообразных политических предпочтений создают различия между социальными группами, продуцируя одновременно проблемное пространство политики и социальную базу партий. Эти различия сформулированы у авторов в виде социальных расколов (термин, ставший уже устойчивым), некоторые из которых применимы и в российском случае: классовый (между собственниками и рабочими), религиозный, поселенческий раскол (между городом и деревней), а также различие между центром и периферией.

В рамках социологической модели голосования существуют различные точки зрения относительно субъективных факторов голосования, таких как политические установки (attitudes). Ряд ученых считает, что установки необходимо учитывать в процессе анализа влияния социальных факторов, поскольку они являются своеобразным механизмом,

⁵³ Lasarsfeld P., Berelson B., Guadet H. The people's choice. How Voter makes up his mind in a Presidential Campaign. N.Y., L., 1969.

⁵⁴ Lipset S., Rokkan M. Cleavage Structures, Party System, and Voter Alignments: An Introduction. // Party System and Voter Alignments. N.Y., 1967. P. 50.

связывающим социальные позиции и электоральный выбор. Эта точка зрения во многом сближается с позицией представителей социально-психологической модели голосования.

Другие авторы отрицают существенное влияние политических установок избирателей, а также интерактивного взаимодействия между индивидами в первичных группах на электоральное поведение. Вместе с тем даже эти исследователи признают некоторое влияние субъективного фактора.

2. Социально-психологическая модель электоральных предпочтений.

Наличие взаимосвязи между институтами политического представительства и политическими ориентациями избирателей послужило одной из посылок другой классической модели электорального поведения – социально-психологической, представители которой считали голосование инструментом демонстрации избирателями своей политической идентификации, длительного чувства преданности, которое избиратели испытывают к отдельным политическим партиям. Первоначально данный подход, пришедший в политическую науку из социальной психологии, получил свое развитие среди ученых Мичиганского университета (с 50-х годов), поэтому его часто называют Мичиганской школой. Классической работой, выполненной в этом русле, является монография «Американский избиратель», в которой дается анализ президентских выборов в США 1952 и 1956 гг.⁵⁵

Представители данного направления исходили из следующих посылок:

- для большинства избирателей характерно ощущение близости к какой-либо партии (партийная идентификация);
- главным агентом формирования партийной идентификации является семья, где формируется партийная лояльность;
- функция партийной идентификации – помочь избирателю справиться с политической информацией и выяснить, за какую партию голосовать;
- исключая некоторые периоды, изменения в партийной идентификации являются сугубо индивидуальными; чаще всего они отражают изменение принадлежности к группе, возникающее вследствие географической или социальной мобильности.

В соответствии с социально-психологической моделью электоральный выбор формируется под влиянием установок (attitudes) избирателей к трем аспектам политического процесса: кандидатам, политическим кур-

⁵⁵ Campbell A., Converse P., Miller W., Stokes D. The American Voter. N.Y., 1960

сам и связям между партиями и социальными группами. Каждая из этих установок имеет относительно независимое влияние на электоральный выбор, особенно в краткосрочной перспективе.

Влияние социальных параметров на политические предпочтения не отрицается, оно, однако, опосредуется главным фактором - партийной идентификацией. Партийная идентификация играет роль своеобразного фильтра, через который пропускается информация, относящаяся к трем названным аспектам (кандидатам, политическим курсам, связям между партиями и социальными группами). В долгосрочной перспективе эти установки являются своеобразными каналами, через которые осуществляется влияние партийной идентификации на электоральный выбор⁵⁶. Таким образом, ощущая себя условно коммунистом, избиратель склонен верить, что коммунистическая партия (кандидат, курс) наилучшим образом защищает интересы его социальной группы по сравнению с другими партиями. В данном случае срабатывает партийная идентификация, в то время как рационализации на уровне конкретных проблем или кандидатов не происходит.

Проведенные в разные периоды эмпирические исследования свидетельствовали о том, что социально-психологический подход в целом работает. Эта модель успешно использовалась при изучении поведения избирателей Западной Европы и США, а термин «партийная идентификация» стал одним из самых распространенных в исследованиях электорального поведения. Вместе с тем постепенно выявились ограничения и недостатки данного подхода.

В частности основным вопросом, на который пытались ответить представители Мичиганской школы, был вопрос, *как* избиратель голосует (*как* воздействует на его голосование партийная идентификация и различные установки). При этом вопрос, *почему* избиратель делает тот или иной выбор, остается недостаточно проработанным в рамках данного направления. Незнученным оставался вопрос о влиянии социальных факторов на голосование, так как, говоря о групповой принадлежности, представители социально-психологической модели большее внимание уделяли ее психологическому значению, нежели позиции группы в социальной структуре.

Данная модель продемонстрировала свою относительную пригодность для изучения электорального поведения в условиях бинарного политического раскола. Однако простой бинарный политический раскол

⁵⁶ См. подробнее Campbell A., Converse P., Miller W., Stokes D. The American Voter. N.Y., 1960; Jennings M. Niemi R. The Political Character of Adolescence. Princeton, 1974.

отсутствует не только в полициях с мультипартийной системой, но и в странах с двухпартийной системой, например в США. Как показали исследования, значительная часть американских избирателей относит себя к независимым даже в том случае, если респондентам в ходе опроса предлагается отнести себя к демократам или республиканцам с помощью бинарной шкалы.

Гораздо сложнее обстоит дело в странах с мультипартийными системами, где существует несколько значимых расколов (левый - правый, религиозный - светский, либеральный - авторитарный и т.п.). В этом случае влияние партийной идентификации на электоральный выбор становится еще более неоднозначным. Если в такой стране избиратель идентифицирует себя с партией А, то это вовсе не означает, что на этом основании можно судить о том, что он думает о партиях В, С, D. Таким образом, следует признать, что данная модель имеет свои ограничения, потому что не учитывает в достаточной мере сложность политической системы координат.

3. Модель рационального выбора. Большой интерес представляет комплекс теорий, объединенных общим термином «теория рационального выбора». Представители этого направления при анализе политического поведения людей исходят из двух основных постулатов. Во-первых, индивид эгоистичен, то есть стремится к достижению собственных целей. Во-вторых, индивид рационален, то есть он сопоставляет получаемый им результат и затраты, стараясь максимизировать свою выгоду при минимизации результатов. Фундаментальное положение для рационально-инструментальной модели, выдвинутое Э. Даунсом в работе «Экономическая теория демократии», состоит в том, что каждый гражданин голосует за ту партию, которая, как он полагает, предоставит ему больше выгод, чем любая другая.

Обобщая основные идеи данного подхода, можно сказать следующее: обычным гражданам не надо знать в деталях внутреннюю и внешнюю политику действующей администрации, чтобы судить об этой политике, реально они располагают лишь одним видом данных: они знают, как им жилось при данной администрации. Иными словами, существует прямая связь между положением в экономике и результатами выборов, и при голосовании избиратель исходит из того, что именно правительство несет ответственность за экономическое состояние страны. Если жилось хорошо - голосуй за действующее правительство (действующего президента, представителей партии власти), если плохо - за оппозицию.

В рамках теории рационального выбора существует и теория «избирателя как потребителя» Х. Химмельвейта, делающего акцент на процессе индивидуального и инструментального выбора избирателя в зависимости

от набора конкретных существующих проблем и предложений политических сил (по сути теория Химмельвейта является теорией «перспективного голосования»)⁵⁷.

В модели рационального голосования выделяются две оси голосования: «эгоцентричное-социотропное голосование» и «ретроспективное-перспективное голосование». При эгоцентричном голосовании избиратель основывает свой выбор на оценке собственного экономического положения, тогда как при социотропном голосовании он смотрит на экономическое положение страны и результаты функционирования экономики в целом. При выборе первого основания - ретроспективного - избирателю важнее оценка прошлой деятельности администрации, при выборе перспективного основания важны ожидания по поводу того, насколько успешно в будущем будет работать выбираемый орган власти.

Приведенные концепции электорального поведения проверялись на значительных массивах эмпирических данных стран Западной Европы и США. Полученные данные подтверждали большинство выводов этих исследователей. Эмпирические данные по США и Западной Европе в целом подтверждают выводы социотропной и ретроспективной версий модели экономического голосования.

В этой связи обращает на себя внимание работа М. Льюиса-Бека (Michael S. Lewis-Beck) «Экономика и выборы: основные западные демократии»⁵⁸. Автор на основании собственных исследований и исследований иных ученых доказывает, что объективные макроэкономические показатели в ряде случаев довольно слабо объясняют, почему люди поддерживают или отвергают на выборах правящую партию или коалицию (incumbent).

Автор предлагает использовать для объяснения не собственно экономические индикаторы, а оценку экономического положения и перспектив опрашиваемого индивида и страны в целом, по мнению опрашиваемого. Очевидно, что такой замер снимает проблему «погрешности индивидуальных оценок» индивидами экономической ситуации, а также включает плохоформализуемый другими способами параметр «социального оптимизма», адаптивности избирателя.

Еще интереснее, что также малое влияние (иногда существует даже отрицательная зависимость) на поддержку правящей партии оказывает изменение объективного, формализуемого уровня жизни.

⁵⁷ Fiorina M. Retrospective Voting in American National Elections. New Haven, 1981; Himmelweit H.T., Humphreys P., Jaeger M. How Voter Decide. Milton Keynes, 1985.

⁵⁸ Lewis-Beck M.S. Economic and Election. Ann Arbor, 1988; Lewis-Beck M.S., Rice T.W. Forecasting Election. Washington, 1992.

Таким образом, резюмируя сказанное, **социологический подход** обращает внимание на различия в политических предпочтениях и поведении отдельных социальных групп, определяет существующие между ними идеологические размежевания (клинажи); **социально-психологический подход** раскрывает значение установок, прежде всего - партийной идентичности, в позиции избирателя; **модель рационального выбора** отличается тем, что превращает человека из «пленника» структурных факторов и политических установок в актора, осознанно принимающего решения.

Однако к 1980-м годам стало очевидно, что электоральное поведение не является простой производной от структурных факторов, политических установок или способности человека рационально просчитывать возможные выгоды и издержки своих действий. Поиск новой обобщенной переменной подтолкнул исследователей к изучению особенностей информационной среды и познавательных способностей избирателя. Откуда избиратели черпают информацию о предвыборной кампании? Почему они доверяют одним сообщениям и игнорируют другие? Каковы возможности и пределы убеждающей коммуникации? В поиске ответов на эти вопросы рождались контуры новой модели формирования электоральных предпочтений и электорального поведения.

Согласно этой модели понимание политики, политических событий складывается, в первую очередь, под влиянием непосредственного окружения людей. Социальное окружение (социальный контекст) помогает индивидам формировать мнение о текущих событиях, наделять их особым смыслом. Характер влияния этой среды (контекста) зависит от содержания информации, циркулирующей внутри социальных групп, в которые включен индивид. Вступая во взаимодействия с другими людьми, обмениваясь с ними информацией, он приобщается к распространенным среди них политическим суждениям, мнениям.

Интерес политологов к тому, как человек «работает» с информацией, почему люди по-разному реагируют на одну и ту же информацию, стимулировался также успехами социальной и когнитивной психологии. Обращение политологов к социальной и когнитивной психологии было равнозначно признанию того, что в основе восприятия политической и социальной информации лежат одни и те же мыслительные процессы. Удачное сочетание методологических принципов, позволяющих раскрывать специфику политического информационного поля и индивидуального восприятия информации, можно найти, например, у Дж. Заллера⁵⁹. По его мнению, ведущее место в политическом дискурсе принадлежит

⁵⁹ Zaller J. The Nature and Origins of Mass Opinion. Cambridge, 1992.

политической элите, которая обладает возможностью распространять не только нужную ей информацию о событиях, но и выгодные ей оценки и суждения. Таким образом, она влияет на общественное мнение, и это влияние усиливается в связи с тем, что далекие от политики люди подчас не способны к критическому осмыслению информации о мире политического. Вместе с тем, согласно Заллеру, было бы неверным говорить об «информационном всемогуществе» политической элиты. Существует целый ряд факторов, ограничивающих усвоение политической информации: во-первых, каждый человек обладает индивидуальным запасом политических знаний (political awareness), который оказывает непосредственное воздействие на восприятие новой информации; во-вторых, индивидам свойственно не принимать во внимание сообщения, которые противоречат их собственным представлениям, ценностным ориентациям; в-третьих, при оценке события или проблемы люди довольствуются минимальным набором легко актуализируемых образов и понятий, хранящихся в их памяти. Иными словами, есть некие психологические и ментальные процессы, которые носят индивидуальный характер, и именно от них зависит, какая часть информации, распространяемой политической элитой, будет воспринята и критически осмыслена каждым членом общества.

Весьма интересна также теория мотивированного политического рассуждения (theory of motivated political reasoning), предложенная М. Лоджем и Ч. Тейбером⁶⁰. В соответствии с этой теорией человек не просто реагирует на информацию, он ее специфическим образом обрабатывает, и эта обработка (subsequent information processing) задает процесс принятия политических решений. Политическое размышление, как процесс обработки информации, зависит от того, в какой мере индивид ориентирован на достижение конкретной цели и насколько настойчиво и последовательно он действует. Перекрестное наложение осей, определяющих степень проявления названных факторов, позволяет выявить четыре типа «мотивированного рассуждения». К первому типу («интуитивные ученые») относятся люди, четко ориентированные на цель и последовательно ее добивающиеся; в их рассуждениях присутствует стремление к обоснованным заключениям, к оптимальным в данных условиях решениям. Ко второму типу («классические рационалисты») можно причислить тех, кто проявляет последовательность в достижении цели (оценивает позитивные и негативные последствия принимаемых решений), но сла-

60 Lodge M., Taber Ch. 2000. Three Steps toward a Theory of Motivated Political Reasoning. - Lupia A., McCubbins M.D., Popkin S.L. (eds.) Elements of Reason. Cognition, Choice and the Bounds. Cambridge.

бо ориентирован на саму цель (отказывается от ее реализации, если она требует слишком больших издержек). Третий тип («рассуждающие сторонники») включает в себя лиц, имеющих сильную ориентацию на цель (или на политический объект), но при этом не готовых взвешивать и всерьез рассматривать все возможные издержки ее достижения. Четвертый тип охватывает людей с «низкой мотивацией», лишенных внутреннего стимула к обстоятельным рассуждениям; они полагаются на эвристические (возникающие как реакция на типичную ситуацию) суждения либо просто апатичны. Выделение подобных типов представляется Лоджу и Тейбору важным прежде всего потому, что каждому из них присуща собственная стратегия принятия решения – от реактивной до предельно продуманной и всесторонне взвешенной.

Сегодня в политологической литературе фактически формируется новый теоретико-методологический подход к объяснению электоральных предпочтений и, в более широком плане, политического действия. В его основе лежит принцип интеграции информационного влияния окружающей среды и когнитивных способностей индивида, поэтому его можно определить как когнитивный, т.е. описывающий индивидуальные механизмы восприятия, оценки, обработки поступающей из внешней среды информации. Эта модель базируется на трех положениях.

1. Человек может делать электоральный выбор только в информационной среде, в которой представлены различного рода сообщения (о приближающихся выборах, о дате их проведения, о степени их значимости, о вступающих в конкурентную борьбу кандидатах, их предвыборных заявлениях и т.п.). Эта среда, создаваемая различными коммуникаторами, формирует объективное смысловое, символическое поле, влияющее на находящихся в нем индивидов.

2. Человек должен обладать определенной «внутренней информацией» – интериоризированными в ходе политической социализации знаниями и представлениями, позволяющими ему ориентироваться в политической символической реальности, распознавать информацию о ведущейся предвыборной кампании, различать представленных на политической арене кандидатов, партии и выражать свое отношение к происходящему.

3. Существуют особые когнитивные механизмы «стыковки» внешней и внутренней информации, которые обеспечивают восприятие, понимание, оценку поступающей информации, дают человеку возможность интерпретировать ожидания других людей, создают ощущение необходимости реагировать, принимать решения. В таких механизмах соединяются до конца не осознаваемые ментальные процессы и активная, контролируемая сознанием мыслительная деятельность.

Таким образом, когнитивная модель позволяет рассматривать электоральные предпочтения как результат последовательности ментальных реакций и мыслительных актов индивида, обеспечивающих восприятие социальной информации, ее понимание, осознание и принятие на этой основе определенного решения. Выражением же всех этих процессов является агрегированный результат сложения индивидуальных мнений - то есть итоги голосования по представленным альтернативам.

Исследование политического информационного пространства является в настоящее время одним из активно развивающихся направлений в политической науке⁶¹. Более или менее разработана процедура измерения политических установок. Вместе с тем собственно когнитивные процессы - восприятие политической информации, ее осмысление, выработка суждения и т.д. - изучены не столь основательно, хотя их ключевая роль в принятии решений вряд ли может быть поставлена под сомнение.

Процесс осознания политической информации и, в конечном итоге, электорального выбора, очень индивидуален, однако не только личный опыт определяет различия в отношении людей к политическим сообщениям. В 1980-е годы ряду американских психологов - Ш. Чейкену, создавшему эвристическую модель убеждения (*heuristic-systematic persuasion model*), а также Р. Петти и Д. Качопло, предложившим модель наибольшей вероятности (*elaboration likelihood model*)⁶², - удалось экспериментально выявить и описать два подхода, свойственных людям при восприятии социальной информации - пассивный и активный. Петти и Качопло назвали первый способ усвоения информации периферийным, а второй - центральным.

Центральный способ обработки внешней информации обусловлен стремлением индивида к всестороннему обдумыванию содержания полученного сообщения, осмыслению логики аргументов, оценке их состоятельности. Индивиду приходится прилагать усилия для анализа полученной информации, поскольку ему важно актуализировать в сознании ранее сложившиеся у него представления, обратиться в случае необходимости к дополнительным сведениям. Периферийный способ обработки информации отличается тем, что индивид просто принимает сообщение, не стремясь глубоко вникнуть в его содержание. Он не проверяет качество аргументации, доверяя источнику информации и не ставя под сомнение истинность принимаемого сообщения.

⁶¹ См. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации. // Полис, 2002, № 3.

⁶² Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб., 2002.

На выбор реципиентом того или иного пути переработки информации влияет, прежде всего, субъективная значимость. Если проблема, содержащаяся в массиве информации, оценивается как значимая, затрагивающая интересы индивида, то резко возрастает вероятность того, что он выберет центральный способ обработки информации. Но возможен выбор и периферийного способа - когда информация оказывается слишком сложной для реципиентов, у них нет навыков работы с подобным материалом, а в памяти отсутствуют концепты, позволяющие всесторонне и критически его рассмотреть.

Переход от периферийного способа обработки информации к центральному и обратно происходит обычно незаметно для человека, который не осознает качественного скачка в отношении к поступающим извне сигналам. Но нам важно разделить эти два когнитивных процесса, потому что на них строятся разные типы электоральных предпочтений.

Периферийный способ обработки информации неизбежно ведет к тому, что суждения об участвующих в выборах кандидатах или партиях выносятся на основе некоторых доминантных признаков, которые легко распознаются избирателем благодаря сложившимся у него представлениям, установкам. Есть серьезные основания полагать, что при столкновении с новой информацией автоматически запускается ментальный процесс категоризации. То есть, получая данные о каком-либо объекте, человек соотносит их с уже имеющейся в его памяти когнитивной структурой (категорией), определяя смысл и значение этого объекта. В результате категоризации происходит «узнавание» объекта, его идентификация. При этом реципиент **не нуждается в большом количестве информации**, часто ему хватает некоего кода, слов-ярлычков, традиционно используемых в политическом дискурсе (скажем, названия политической партии).

Периферийный способ обработки информации характеризуется тем, что индивид при восприятии политических объектов практически полностью полагается на результаты категоризации, довольствуется первичной идентификацией, не переходя к стадии критического осмысления поступающей информации. В итоге его отношение к наблюдаемым объектам целиком определяется ранее сложившимися установками. Например, если избиратель всегда отдавал предпочтение конкретной партии, то достаточно предъявить ему в новой электоральной ситуации соответствующие ярлычки-идентификаторы, чтобы он сделал выбор в пользу кандидата от этой партии. Такой выбор, произведенный на основе ограниченной информации, будет нерациональным, ибо ему не предшествовало критическое осмысление информации.

Нерациональный выбор бывает весьма жестким, так как он связан с установкой, сформировавшейся в ходе социализации. Он не требует от индивида особых усилий, избавляет его от необходимости тратить психическую энергию на внутреннее обоснование правильности принимаемого решения. Человек голосует «по велению сердца», интуитивно выбирая своего кандидата.

Направленность нерационального выбора можно определить с довольно высокой степенью вероятности, если при помощи соответствующих методик выявить внутренние установки избирателя по отношению к позиционируемым на электоральном поле кандидатам или партиям. Речь идет как о сложившемся эмоциональном восприятии политика, так и о партийной идентичности. Вместе с тем, как свидетельствуют социологические опросы, все меньшее число граждан современных обществ обладают такими установками.

Нерациональные действия в некоторых случаях могут показаться воплощением рациональности, расчета, ибо обеспечивают быстрое и эффективное достижение определенного результата. Однако, как справедливо отмечает П. Бурдьё, это происходит потому, «что практики, порожденные габитусом и управляемые прошлыми условиями формирования порождающего их принципа, заранее адаптированы к объективным условиям всякий раз, когда условия, в которых функционирует габитус, идентичны или похожи на условия, в которых он сформировался. Соответствие объективным условиям достигается наилучшим и непосредственным образом, порождая при этом полнейшую иллюзию целенаправленности или, что сводится к тому же, иллюзию саморегулирующегося механизма»⁶³.

Нерациональных действий в электоральной практике гораздо больше, чем принято считать. Дело в том, что актору свойственно постфактум приписывать своему поведению разумные основания, т.е. находить какие-то вполне рациональные причины своих поступков. Приписанные мотивы могут иметь весьма отдаленное сходство с реальными процессами, происходившими в мотивационной сфере личности в момент принятия решения, но человек в разговорах с другими людьми будет стремиться к демонстрации рациональности своего поведения, поскольку такой тип поведения считается в обществе более приемлемым, более понятным. При этом человек обычно выбирает то объяснение, которое не противоречит его Я-образу и ожиданиям значимых для него людей. Иначе говоря, наделение поступка смыслом далеко не всегда означает реальное осознание глубинных внутренних причин, побудивших актора его совершить.

⁶³ Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001.

Рациональному выбору сопутствует центральный способ обработки поступающей извне информации, т.е. процесс активной мыслительной деятельности, позволяющий человеку не только распознавать предвыборную ситуацию и идентифицировать ее участников, но и анализировать их заявления, оценивать обещания, прогнозировать потенциальные последствия победы того или иного кандидата. Если нерациональный выбор фактически является реактивным и безальтернативным, ибо в его основе лежит до конца не осознаваемый импульс, связанный с актуализированной установкой, которая автоматически воспринимается как единственно возможная в данной ситуации, то выбор рациональный предполагает целенаправленную оценку различных вариантов действия.

Включение мышления создает проблемное поле для самого индивида, он начинает не только «видеть» ситуацию, но и конструировать сценарии ее изменения. Уясняется многообразие возможных путей развития, противоречивость альтернатив. Человек оказывается перед реальным выбором. Принято считать, что, делая такой выбор, рационально мыслящий избиратель руководствуется либо представлениями о собственной выгоде, либо ценностной ориентацией на некую идеальную модель общественного устройства, которая, по его мнению, в наибольшей степени позволит реализовать его личные устремления и интересы. Другими словами, рациональный выбор требует определенных когнитивных усилий, позволяющих экстраполировать наблюдаемые тенденции в будущее и оценить их последствия.

Сталкиваясь со сложными политическими объектами, далеко не каждый человек в состоянии самостоятельно выработать суждения о возможных путях развития ситуации и адекватно оценить последствия своего выбора, даже если обладает достаточно сильной внутренней мотивацией. Каждый из нас незаметно для себя может стать «добычей» различных политических консультантов и технологов, которые умело подсказывают нам готовые суждения. Усваивая такие суждения, человек подчас бывает твердо уверен в том, что пришел к ним «своим умом», и выстраивает на них свою позицию, убежденный не только в полной своей самостоятельности, но и в свободе выбора. Возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, вроде бы налицо проективный характер рационального действия (рассмотрены возможные альтернативы и сделан выбор в пользу одной из них), но с другой - вся логика интерпретации и выбора была искусно навязана извне, и выбор фактически оказался мнимым, псевдорациональным. Внешне подобный выбор обладает основными признаками рационального, но в его основе лежат навязанная индивиду картина ситуации и готовый комплекс суждений, однозначно подталкивающих к определенному выводу.

Провести четкую разграничительную линию между рациональным и псевдорациональным политическим выбором практически невозможно ни внешнему наблюдателю, ни самому актору. Это объясняется тем, что наши политические представления, мнения и даже способы построения умозаключений формируются под влиянием внешней среды. Усваивая культурные нормы, политические ценности, человек становится их «заложником», так как они «изнутри» начинают влиять на его мышление и поведение. Поэтому рациональность политического выбора всегда ограничена рамками той социокультурной среды, в которой проходила политическая социализация индивида. Иначе говоря, человек всегда отдаст предпочтение ценностям, на которые ориентировались значимые для него агенты социализации; его представления о личной выгоде обусловлены суждениями, распространенными в его окружении. Поскольку все представления людей складываются в ходе взаимного информационного обмена, возникающая зависимость человека от циркулирующей в социуме информации обычно не осознается им как внешнее ограничение или давление. Так, если все доступные индивиду СМИ интерпретируют политическую проблему в одном ключе, то он, скорее всего, будет интерпретировать ее так же, сохраняя при этом уверенность, что выработал свое мнение самостоятельно.

В современной России научное изучение избирательного процесса началось совсем недавно. Деятельность исследователей в этой сфере имеет довольно короткую историю, поскольку до рубежа 80-90-х гг. в нашей стране не было реальных конкурентных выборов. По мере того как избирательные кампании становились элементами политической жизни, потребность в их социологическом сопровождении становилась все более насущной.

Однако, можно отметить, что понятие «электоральные предпочтения» и динамика их развития не стали еще объектом систематического изучения в российской науке. Исследователи по-разному подходят к изучению этого явления, подчас в том или ином случае понимая под электоральными предпочтениями довольно далекие друг от друга понятия (от конкретных результатов выборов до общего состояния ментальности, политического сознания и политической культуры людей).

Первые электоральные исследования появились сразу после выборов Съезда народных депутатов СССР в 1989 году. Вплоть до середины 90-х годов большинство научных публикаций было сосредоточено на нескольких аспектах выборов: анализ программ политических партий, кампаний, пространственное и социально-культурное измерение электорального процесса. В стране появились десятки аналитических центров и групп

специалистов по прикладным электоральным исследованиям. Именно в этот период электоральные исследования утвердились в России как сфера научной деятельности. В поисках парадигм анализа электоральных предпочтений российские исследователи использовали различные рамки, но в основном они в неявном виде следовали хорошо разработанным западным моделям анализа электорального поведения, уже описанным нами выше. Однако применение всех этих моделей к изучению электорального поведения россиян отмечено существенными противоречиями.

Прежде всего, в России из-за отсутствия электоральных традиций **не может быть отчетливо определена политическая идентичность**; более того, противоречивость данных, полученных в ходе массовых опросов, заставляет сомневаться в их применимости для изучения политических ориентаций в стране. Российскими авторами было создано как минимум четыре схемы идеологических предпочтений.

1. Трехсекторная схема: «демократы» (или либералы) - коммунисты - националисты. Данная конструкция базируется исключительно на идеологическом размежевании партий.

2. Четырехсекторная схема: коммунисты - некоммунистические националисты - либералы (или «демократы») - проправительственная партия (или «партия власти»). Эта схема соответствует композиции партий и избирателей на парламентских выборах 1995 года.

3. Пятисекторная схема: «традиционалисты» (коммунисты) - центристы (или социалисты) - государственники (или националисты) - либералы - партия власти (или «стабилизаторы»).

4. Альтернативная дихотомическая схема, базирующаяся на оппозиции между «партиями статус-кво» и «партиями перемен» или между «партией власти» и «партией тех, кто рвется к власти».

В первой половине 90-х годов исследователями с позиций различных общественных наук проанализированы место и роль выборов в системе демократической власти, в формировании и функционировании политических институтов⁶⁴.

⁶⁴ См. Анохин М.Г. Политические партии на выборах // Партии, общественно-политические движения, идейные течения. История, современность, проблемы. М., 1993; Гельман В., Сенатова О. Политические партии в регионах России // Очерки российской политики (исследования и наблюдения 1993-1994 гг.). М., 1994; Коргунюк Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность (становление, функционирование, развитие). М.: ИНДЕМ, 1996; Левинсон А.Г. Избиратели основных политических партий // Вестник Московской школы политических исследований, 1995, №2, с.101-124; Лесников Г.П. Власть: ее формирование и реализация в России в пореформенный период. М., 1996. Ослон А., Петренко Е. Факторы электорального поведения: от опросов к моделям // Вопросы социологии, 1994, вып. 5; Туманов С. В., Бурыкин И. Г. Электорат России в 1993 г. // Социс, 1995, №9.

В этот период усилия представителей различных наук (социологи, философы, психологи, политологи) были направлены на объяснение феномена российских выборов в условиях, когда еще только шел процесс формирования политической системы страны. При этом начинает разрабатываться и отечественный корпус методов изучения электорального пространства. В работах Коргунюка Ю.Г, Ослона А., Гельмана В. заложены основы дальнейших исследований и намечены пути развития отечественной электоральной географии.

Значительное число работ последнего десятилетия посвящено исследованию особенностей избирательного процесса, электорального поведения в Российской Федерации и субъектах⁶⁵. Среди этих исследований выделяются четыре основные группы: во-первых, посвященные анализу конкретных избирательных кампаний, во-вторых, исследующие политический механизм выборов в России, в-третьих, анализирующие нормативно-правовую базу избирательного процесса и, в-четвертых, что для нас наиболее интересно, региональные исследования.

⁶⁵ См.: Зотова З.М. Избирательные объединения и блоки на выборах 1999 года. М., 2000; Бойков В.Э. Выборы президента России: тенденции развития ситуации (Результаты социологического мониторинга) // Исследования Российской академии государственной службы (ИРАГС): Серия 1 — социология. М.: Изд-во РАГС, 1996; Гельман В.Я. Политическая культура, массовое участие и электоральное поведение // Политическая социология и современная российская политика / Голосов Г.В., Мелешкина Е.Ю. СПб., 2000; Гельман В.Я. Избирательные кампании в России: Испытание электоральной формулы // Полис, 1996, №2; Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис, 1997, № 4; Голосов Г.В. Элиты, общероссийские партии, местные избирательные системы (о причинах развития политических партий в регионах России) // Общественные науки и современность, 2000, № 3, с. 51-75; Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В. «Партия власти» и российский национальный дизайн: теоретический анализ // Полис, 2001, №1, с. 6-14; Евстифеев Р.В. Владимирская область Очерк истории развития политической ситуации (1988 -1996) // Регионы России. Хроника и руководители. Т. 5. Рязанская, Владимирская и Тульская области. Sapporo, Slavic research center, Hokkaido University, 1998; Евстифеев Р.В. Губернаторские выборы и региональный политический процесс во Владимирской области // Региональные выборы и проблемы гражданского общества в Центральной России. Москва, 2002; Евстифеев Р.В. Проблема институализации регионального политического процесса во Владимирской области // Региональная экономика: теория, практика, проблемы. Материалы международной научной конференции. Том 1. Владимир, 2002; Иудин А.А., Марченков П.А., Некрасов А.И. Выборы и электорат: политическая эволюция. Нижний Новгород, 1997; Коргунюк Ю.Г. Избирательная кампания 1999 г. и перспективы развития российской многопартийности // Полития, Зима 1999/2000 г., №4 (14), с. 5-22; Мелешкина Е.Ю. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения // Зарубежная политология в XX столетии. М., 2001. Руткевич М.Н. Выборы-99 в зеркале социологии // Социологические исследования, 2000, №5, с. 3-12; Руткевич М.Н. Президентские выборы-2000: социологический анализ // Социологические исследования, 2000, №10, с. 37-42. Тавокин Е.П. Социологические прогнозы электорального поведения // Социологические исследования, 1996, № 7.

Особую группу составляют исследования, посвященные технологиям организации избирательного процесса, осуществленные Большаковым С.В., Зотовой З.М., Ковлером А.И., Малкиным Е. и рядом других авторов⁶⁶.

Для настоящего исследования имеют большое значение работы, посвященные статистическим методам исследования электоральных предпочтений избирателей⁶⁷.

В этих трудах представлен опыт статистической обработки итогов выборов методами факторного, корреляционного, кластерного анализа.

В работах российских исследователей последнего периода показано, что ни классовые, ни этнические, ни религиозные расколы не обнаруживаются или по крайней мере не кажутся в России критически значимыми. Начиная с 1989 года все российские выборы ясно свидетельствовали только о наличии территориального раскола между голосованием за «либералов» в северных регионах и за «государственников-националистов» в южных. Для целей данного исследования важно отметить, что **границей**

⁶⁶ См. Большаков С.В., Ищенко Е.П. Предвыборная агитация: взгляд изнутри. М., 1999; Зотова З.М. Партии России: испытание выборами. М., 1994; Зотова З.М. Избирательная кампания: технологии организации и проведения // Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК России. М., 1995; Как победить на выборах: Методическое пособие по организации избирательной кампании. М., 1991-1992; Как победить на выборах. Опыт и методология восьми успешных избирательных кампаний в России. М., 1995; Ковлер А.И. Избирательные технологии: российский и зарубежный опыт. М., 1995; Ковлер А.И., Зотова З.М. Стратегия избирательной кампании и ее планирование. М., 1999; Малкин Е., Сучков Е. Основы избирательных технологий. Стратегия. М., 1999.

⁶⁷ См. Аксенов К.Э., Зиновьев А.С., Плещенко Д.В. Крупный город - регион - Россия: динамика электорального поведения на парламентских выборах // Полис, 2005, №2; Ахременко А.С. Структурирование электорального пространства в российских регионах (факторный анализ парламентских выборов 1995-2003 гг.) // Полис, 2005, №2; Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Партии в регионах России: география голосований, результаты и возможности // Вестник Московской школы политических исследований, 1995, №2, с.125-148; Колосов В.А., Туровский, Р.Ф. Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция // Полис, 1996, №4; Любарев А.Е. Корреляционный анализ результатов парламентских выборов 1995 года // Полис, 1996, №2; Мау В. А., Кочеткова О. В., Яновский К.Э., Жаворонков С. В., Ломакина Ю. Е. Экономические факторы электорального поведения и общественного сознания (опыт России 1995 - 2000 годов). М., 2001; Овчинников Б.В. Электоральная эволюция: пространство регионов и пространство партий в 1995 и 1999 годах // Полис, 2000, №2; Орешкин Д.Б. География электоральной культуры и целостность России // Полис, 2001, № 1; Орлов Г.М., Шуметов В.Г. Модель электоральных предпочтений населения России: методология построения // Социологические исследования, 2001; Синяков А.В. Некоторые подходы к прогнозированию результатов голосования // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1999, №1, с. 20; Страхов А.П. Изучение электорального поведения россиян: социокультурный подход // Полис, 2000, №3; Шевченко Ю.Д. Между экспрессией и рациональностью: об изучении электорального поведения в России // Полис, 1998, № 1.

между этими зонами служила пятьдесят пятая параллель, то есть Владимирская область как раз и находится на этой границе! Это важное обстоятельство необходимо учитывать и в оценке результатов выборов на территории области.

Одними из первых, кто попытался смоделировать и формально проанализировать поведение российского избирателя, были А.А. Собянини и В.Г. Суховольский⁶⁸. Они же первыми высказали казавшуюся не вполне обоснованной гипотезу об **относительной стабильности электоральных предпочтений в постсоветской России**.

Более детальные исследования стабильности электоральных предпочтений были выполнены группой К.М. Труевцева на факультете политологии Государственного университета - Высшей школы экономики в 1999 - 2000 гг.⁶⁹. Модель электоральных ниш («электоральных потоков») К.М. Труевцева построена целиком на предположении о стабильности базовых ориентаций и ценностей российских граждан.

С точки зрения К.М. Труевцева, все электоральные потоки с известной долей условности можно разделить на коммунистов, центристов, патриотов, демократов и неполитически ориентированных. С учетом этого разделения российская политическая арена утрачивает кажущуюся «пестроту» и предпочтения избирателей оказываются куда более стабильными, чем принято думать, а роль «политтехнологов» - гораздо скромнее.

Среди обобщающих работ последних лет следует упомянуть и работу Смирнягина Л.В. «Пять лет и восемь голосований: созрела ли территориальная структура российского общества?»⁷⁰, посвященную математическому анализу электоральной истории РФ в 1991 - 1996 гг. с точки зрения голосования населения различных регионов России за те или иные политические силы. На основании своих подсчетов Л. Смирнягин вводит понятие «коэффициент попятности» (то есть смены политических настроений от выборов к выборам). Для российского общества он оказывается недопустимо велик - 0,54 %, то есть суммарно избиратели более чем половины субъектов РФ на следующих выборах готовы поменять политическую ориентацию. Это свидетельствует о незавершенности формирования гражданского общества в РФ.

⁶⁸ Собянин А.А., Суховольский В.Г. Демократия, ограниченная фальсификациями: выборы и референдумы в России в 1991 - 1993 гг.// Проектная группа по правам человека. М., 1995.

⁶⁹ Труевцев К.М. Партитура для парламента и партия президента (закономерности развития многопартийности и избирательного процесса в России). М., ГУ ВШЭ, 2001.

⁷⁰ Смирнягин Л.В. Пять лет и восемь голосований: созрела ли территориальная структура российской политики? М., 1999.

В отличие от большинства авторов, а также от результатов, полученных при моделировании на материале российских выборов (работы Мау, Кочетковой, Гамбаряна, Жаворонкова), Л.Смирнягин полагает, что устойчивой связи между экономическим положением региона и его более или менее стабильными электоральными предпочтениями не существует. В то же время Л. Смирнягин обоснованно указывает на необходимость проведения анализа поведения избирателей на уровне избирательных участков, что позволит получить данные, более приближенные к реальности.

Особое место среди обобщающих работ занимают две коллективные монографии, написанные сотрудниками Европейского университета в Санкт-Петербурге и других вузов, посвященные социологическому и политологическому анализу электоральных процессов в посткоммунистической России⁷¹. Авторы конституируют существование в России электоральных циклов, первый из которых начался в 1993 году и завершился в 1996, а второй относится к 1999 - 2000 гг.

В первой монографии подробно анализируются факторы, определившие электоральное поведение населения России в период первого цикла, когда происходило институциональное оформление современной российской политической системы, и ставится ряд важных, в том числе методологических, проблем политической науки. Одна из этих проблем - проблема прогнозирования и создания прогнозных моделей электоральных процессов. Авторы справедливо констатируют, что в условиях России, переживающей переходные политические процессы, проблема создания прогнозных моделей существенно затруднена по сравнению со стабильными политическими системами стран Запада. Одно из решающих обстоятельств в этом плане состоит в том, что каждый последующий электоральный цикл в России существенно отличается от предыдущего. Этот вывод исключительно важен и для целей настоящего исследования.

Однако в целом авторы исходят из положения о том, что социально-психологические установки российского избирателя формируются под влиянием тех же факторов, что и электоральное поведение в западных демократиях.

Во второй монографии, которая является логическим продолжением вышедшей ранее работы, специальные главы посвящены анализу электорального поведения российских граждан на думских и президентских выборах 1999-2000 гг. и основным типам электорального поведения в различных регионах России.

⁷¹ Первый электоральный цикл в России (1993-1996) / В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Е.Ю. Мелешкина. М.: Весь мир, 2000; Второй электоральный цикл в России (1999 - 2000) / В.Я. Гельман, Г. В. Голосов, Е. Ю. Мелешкина. М.: Весь мир, 2002.

Среди факторов, влияющих на электоральное поведение российских граждан на думских и президентских выборах 1999-2000 гг., авторы выделяют ценностные (и в меньшей степени идеологические) размежевания, ретроспективные мотивы голосования, политические традиции, институциональный дизайн. Авторами представлена многофакторная аналитическая модель электорального поведения российских граждан, составленная из следующих характеристик: доля русского населения, доля городского населения, численность жителей, доля населения в возрасте 60 лет и старше, доля населения с высшим и незаконченным высшим образованием, соотношение среднедушевого дохода и величины прожиточного минимума в регионе, уровень безработицы. При этом авторы, в частности, исходили из гипотезы, что поддержка политических сил с наиболее ярко выраженной демократической и либеральной ориентацией («Яблоко», СПС) должна положительно коррелировать с показателями более активного включения населения в процессы модернизации и с показателями относительно благополучного экономического положения. Для проверки этой и других исследовательских гипотез был использован метод линейной множественной регрессии. В результате проведенного анализа были определены факторы, оказавшие наибольшее влияние на голосование на выборах в Государственную Думу в 1999 г. и на президентских выборах в 2000 г. Один из важных выводов, к которым пришли авторы, состоит в следующем: результаты анализа показали, что исход выборов нельзя объяснить факторами, ограниченными рамками какого-либо одного классического подхода - ни социальные, ни экономические размежевания, ни политическая память избирателей не являются исчерпывающими при объяснении успеха тех или иных партий и кандидатов. Наибольшей объяснительной силой обладают многофакторные модели, включающие в себя различную совокупность факторов голосования за отдельные политические силы⁷².

Представляет также интерес типология голосования российских избирателей, предложенная одним из авторов монографии - Р. Ф. Туровским. По его мнению, в современной России сформировались три идеальных типа голосования: конформистский (голосование за партию власти), левый и либеральный. При этом конформистский тип голосования наиболее характерен для этнической периферии, а также для периферии и полупериферии на Русском Севере и частично в районах нового освоения на востоке. Левый тип голосования наиболее ярко представлен в районах сельской периферии на юге Центральной России, Западной Си-

⁷² Второй электоральный цикл в России (1999-2000) / В. Я. Гельман, Г. В. Голосов, Е. Ю. Мелешкина. М.: Весь мир, 2002, с.182.

бири и Южного Урала, в городах этой же части России, а также в малых и средних промышленных центрах Юга и Востока. Наконец, либеральный тип голосования более развит в крупнейших городах (Москве, Санкт-Петербурге, городах с населением свыше миллиона человек), а также в административных центрах северной половины Европейской части России. Подобная география электоральных предпочтений не случайна и носит достаточно устойчивый характер.

Следует отметить, что настоящее статистическое изучение итогов выборов в России только еще начинается, не накоплена достаточная эмпирическая база, еще не сделано необходимых теоретических обобщений.

Очевиден недостаток специальных работ по изучению проблемы электоральных предпочтений на региональном и местном уровнях, их типологий, объективных и субъективных факторов, по выявлению специфики по отношению к избирательному поведению других групп населения, хотя потребность в таких исследованиях довольно велика. Кроме того, практически нет исследований электоральных предпочтений избирателей сравнительного плана.

Сегодня в российской политической науке очень остро ощущается потребность в политологической концептуализации понятия «электоральное пространство», разработке операциональных моделей пространственного анализа и прогнозирования избирательных процессов. Это связано с мультипарадигмальным характером методологии анализа современной политики и с большим количеством альтернативных подходов к объяснению электоральных процессов. Каждый из отдельно взятых подходов удовлетворительно объясняет лишь некоторые характеристики изучаемой реальности. Последняя столь сложна, зависима от столь большого набора факторов, что ее объяснение под каким-то одним, жестко заданным теоретическим углом зрения вряд ли представляется возможным. Таким образом, имеется острая потребность в комплексных подходах, способных, с одной стороны, интегрировать сильные стороны отдельных теорий электоральных процессов, и вместе с тем обеспечить новый уровень осмысления собственно политологических парадигм исследования.

Перспективным представляется разработка методологии анализа избирательных процессов через призму понятия «электоральное пространство», о котором будет сказано подробнее ниже, а также в следующей главе.

Проблемы, связанные с изучением электорального пространства, пока явно недостаточно разработаны в современной политологии. Несмотря на то, что имеется целый ряд ценных и полезных теоретических представле-

ний о сущностных характеристиках электорального пространства, их главным недостатком является слабая операционализированность. А целый ряд эмпирически операциональных пространственных моделей электорального процесса очень страдает слабой теоретической обоснованностью, строясь на достаточно произвольных установках и плохо согласуются с реальностью. Таким образом, существующие концепции социального и политического пространства пока что не могут служить готовой методологической основой для разработки проблематики электорального пространства.

В целом можно отметить, что в исследованиях собственно электорального пространства существуют две традиции. Первая, характерная для западной политической науки, обращает основное внимание на пространственное моделирование электоральных процессов математическими методами и рассматривает электоральное пространство через соотношение политических позиций партий и кандидатов с политическими позициями избирателей, причем оба типа позиций представляются как объекты в некотором n -мерном пространстве. Важной чертой данной традиции является количественный подход к фиксации пространственных характеристик объектов - политических партий и избирателей и, соответственно, параметризация отношений между ними.

Такая «параметрическая традиция» изначально сложилась в рамках уже упоминавшейся выше теории рационального выбора. Среди основателей данного направления исследований можно назвать Д. Блэка, Р. МакКелви, К. Мэя, Ч. Плотта, К. Эрроу⁷³. На этом этапе было разработано пространственное представление основных аксиом теории рационального выбора применительно к электоральному процессу, введено понятие функции полезности и определен ее математический вид, количественно определен критерий электорального выбора.

Достижения исследователей, работавших с пространственными моделями в рамках теории рационального выбора, бесспорно, значительны. Однако особенности данной теории породили также целый ряд теоретико-методологических проблем. Главная из них - явно недостаточный учет институциональной и культурной специфики отдельных стран и регионов, редукция многообразия электоральных процессов до одномерного лево-правого континуума.

⁷³ Black D. The Theory of Committees and Elections. Cambridge Univ. Press, 1958; McKelvey R. Intransitivities in Multidimensional Voting Models // Journal of Economic Theory, 1976, № 12; May K. A Set of Independent Necessary and Sufficient Conditions for Simple Majority Decision // Econometrica, 1952, № 20; Plott Ch. A Notion of Equilibrium and Its Possibility under Majority Rule // American Economic Review, 1967, № 57; Arrow K. Social Choice and Individual Values. N.Y.: Wiley, 1951.

Интересные попытки преодолеть данную проблему содержатся в работах Р. Далтона, Т. Иверсена, К. Куинна, М. Лэвера, А. Мартина, К. Шеплса⁷⁴, которые указали на значимость учета в пространственных моделях институционального многообразия. Важная проблема целостности и взаимообусловленности партийного позиционирования в электоральном пространстве получила отражение в работах политических психологов: Т. Брауна, Д. Гранберга, Л. Миддлстадта, В. Оттати, Л. Россса, М. Фишбейна, Р. Шермана⁷⁵. Стремление учесть социальные факторы структурирования электорального пространства отличает таких исследователей, как О. Листхог, С. Макдоналд, Г. Рабинович, Г. Рейнолдс.⁷⁶ С этими именами связана первая попытка отойти от принципиальных установок теории рационального выбора и взять за основу фундаментально иную парадигму - теорию социальных размежеваний С. Липсета и С. Роккана⁷⁷, развитую их последователями: Я. Лейном, А. Лейпхартом, А. Пршеворски, А. Реммеле, Д. Спрагом, С. Эррсоном⁷⁸ и др. Была разработана особая «векторная модель», базирующаяся на ключевом для теории размежеваний принципе поляризации. Таким образом, была четко сформулирована идея о важности учета направлений в электоральном пространстве, получившая формальное выражение. Следует отметить и

⁷⁴ Dalton R. Political Parties and Political Representation: Party Supporters and Party Elites in Nine Nations // *Comparative Political Studies*, 1985, № 18; Iversen T. Political Leadership and Representation in West European Democracies: A Test of Three Models of Voting // *American Journal of Political Science*, 1994, № 38; Laver M. and Sheplse K. Making and Breaking Governments: Cabinets and Legislatures in Parliamentary Democracies. Cambridge Univ. Press, 1996; Quinn K. and Martin A. An Integrated Computational Model of Multiparty Electoral Competition // *Statistical Science*, Vol. 17, 2002, № 4.

⁷⁵ Granberg D. and Brown T. The Perception of Ideological Distance // *The Western Political Quarterly*, 1992, № 45; Ottati V., Fishbein M. and Middlestadt S. Determinants of Voters' Beliefs about the Candidate Stands on the Issues: The Role of Evaluative Bias Heuristics and the Candidate's Expressed Message // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1988, № 55; Sherman R. and Ross L. Liberalism-Conservatism and Dimensional Salience in the Perception of Political Figures // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1972, № 33.

⁷⁶ См. MacDonald S., Listhaug O. and Rabinowitz G. Issue and Party Support in Multiparty Systems // *The American Political Science Review*, Vol. 85, 1991, № 4; Reynolds H. Rationality and Attitudes Toward Political Parties and Candidates // *The Journal of Politics*, 1974, № 37.

⁷⁷ Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party System, and Voter Alignments // Mair P. (ed.) *The West European Party System*. Oxford, 1990.

⁷⁸ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М., 1997; Lane J.E. and Ersson S. *Politics and Society in Western Europe*, 3rd ed. London; Thousand Oaks, 1994; Przeworski A. and Sprague J. A History of Western European Socialism. Paper presented to the Annual Meeting of the American Political Science Association. Washington: D.C., 1977; Römmele A. Cleavage structure and party systems in East and Central Europe // *Cleavages, parties, and voters: Studies from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland, and Romania*. Westport: CT, 1999.

ряд попыток создать комбинированные пространственные модели электорального выбора, сочетающие в себе черты классической и векторной моделей. Здесь следует отметить работы С. Мэррилла, а также работу Дж. Платта, К. Пула и Г. Розенталя⁷⁹. Однако согласованность всех указанных выше моделей с эмпирическими данными, а также их компаративные возможности остаются на достаточно низком уровне.

Вторая традиция, характерная для отечественной политической науки, сосредоточена на попытках концептуализации самого понятия «электоральное пространство» и практически не рассматривает проблемы его инструментализации и операционализации (условно ее можно назвать «гуманитарной»). Электоральное пространство рассматривается с географических позиций, когда электоральное пространство мыслится через призму устойчивых территориальных различий в электоральном поведении, как «электоральный ландшафт» (В. Чекалкин, Н. Петров, М. Арбатская⁸⁰). Во-вторых, через призму концепта «политического рынка», как «место встречи спроса и предложения» (Е. Мелешкина⁸¹). В-третьих, через призму коммуникации между элитами и массами (А. Соловьев⁸²). Наконец, отдельные работы поднимают проблему влияния институциональных характеристик на структуру электорального пространства (Н. Яргомская⁸³).

Бесспорно, данные подходы содержат интересные и ценные теоретические положения. В частности, это сама постановка проблемы структуры электорального пространства и факторов, такую структуру определяющих. Важным является тезис о необходимости комплексного рассмотрения факторов формирования электорального пространства (М. Ильин, Е. Мелешкина). В то же время здесь присутствуют все те проблемы, которые мы выделили применительно к концептуализации понятия политического пространства. Так, не обоснована познавательная ценность использования

⁷⁹ Merrill S. Discriminating between the Directional and Proximity Spatial Models of Electoral Competition. Submitted to Electoral Studies, 1988; Platt G., Poole K. and Rosenthal H. Directional and Euclidean Theories of Voting Behavior: A Legislative Comparison // Legislative Studies Quarterly, 1992, № 17.

⁸⁰ Чекалкин В. Политический ландшафт России // Власть, 1996, № 3; Петров Н. Электоральный ландшафт: географический и политологический. Структура и динамика российского электорального пространства. «Круглый стол» // Полис, 2000, № 2; Арбатская М. Региональное электоральное пространство: структура и динамика. Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2002.

⁸¹ Мелешкина Е. Факторы структурирования электорального пространства. Структура и динамика российского электорального пространства. «Круглый стол» // Полис, 2000, № 2.

⁸² Соловьев А. Концепт и коммуникативный метод. Структура и динамика российского электорального пространства. «Круглый стол» // Полис, 2000, № 2.

⁸³ Яргомская Н. Избирательная система. Структура и динамика российского электорального пространства. «Круглый стол» // Полис, 2000, № 2.

собственно пространственного подхода. Во-вторых, остается проблема «перенасыщения» электорального пространства разнообразными политическими феноменами, что чрезвычайно осложняет операционализацию пространственного подхода до уровня работающей модели. В целом отсутствие инструментальных пространственных моделей в «гуманитарной» традиции снижает ее эвристическую ценность, не позволяет в полной мере реализовать сложившийся в ее рамках сильный концептуальный потенциал. Нельзя в то же время не отметить наличие в отечественной традиции интересных и новаторских разработок именно количественного плана (например работы Б. Овчинникова, С. Чугрова⁸⁴, а также Г. Сатарова применительно к анализу парламентских голосований), однако они, по существу, не обращаются к понятию электорального пространства⁸⁵.

В целом разработки в области исследований электорального пространства носят достаточно фрагментарный характер: речь идет скорее об отдельных «прорывах», интересных наработках. Подходы в русле отечественной гуманитарной традиции не доведены до операционального уровня, в то время как западная «параметрическая» традиция содержит в себе целый ряд не вполне обоснованных на теоретическом уровне подходов. Требуется также усилия по интеграции ряда важных методологических подходов в предметном поле современной политологии. Таким образом, рассматриваемая нами проблема изучена в явно недостаточной степени и требует дальнейшей разработки.

Опираясь на имеющиеся теоретические разработки, эмпирические данные представляется возможным выявить противоречие между заинтересованностью общества и органов государственной и муниципальной власти в рационализации избирательного процесса, в сознательном участии избирателей в выборах, проведении эффективных избирательных кампаний и преобладанием иррациональных и случайных мотиваций участия в выборах. С этим противоречием связана и основная проблематика данного исследования. Она заключается в недостаточной изученности и осознанности электоральной истории на уровне региона и на муниципальном уровне как части общего регионального политического процесса. Именно непосредственному восполнению данного пробела и будут посвящены следующие главы.

⁸⁴ Овчинников Б. Электоральная эволюция: пространство регионов и пространство партий в 1995 и 1999 г. // Полис, 2000 г., № 2; Chugrov S. Regional Electoral Behavior and Russian Nationalism // The Office of Information and Press, Democratic Institutions Fellowship Programme, NATO Final Report. June 1997.

⁸⁵ Среди немногочисленных попыток квантификации электорального пространства следует отметить работы В. Лапкина. См., например, Лапкин В. Возможности количественного описания электоральной динамики. Структура и динамика российского электорального пространства. «Круглый стол» // Полис, 2000, № 2.